

Н. МИНСКИЙ

От Данте к Блоку

Два события случайно встретились в бесконечной перспективе времени, как две звезды сходятся для нашего взора в пустынях пространства. Одно событие огромное, но далекое от нас и кажущееся нам даже не событием, а простой календарной вехой на пути истории, а другое -- близкое нам, яркое, жгучее. Я говорю о шестисотлетней годовщине смерти Данте и о тризне, которую Россия справляет над свежей могилой безвременно ушедшего от нас Блока. И как часто бывает в жизни, то, что на первый взгляд казалось случайным, вдруг загорается внутренним светом. Эти два события не только встретились, но как будто, по выражению поэта, обменялись улыбкой ласковой привета. Нам кажется, что Муза Данте, давно увенчанная бессмертием, благосклонно глядит с десятого неба на Музу Блока, только что робко выступающую на загадочный суд потомства. И хотя обе они выросли под разными небесами и разным им выпал жребий, но пристальный взгляд открывает в их чертах печать какого-то родства. Кто захотел бы в России говорить о певце Беатриче, не мог бы обойти молчанием певца Прекрасной Дамы, и чтобы понять человеческую трагедию, пережитую Блоком, необходимо, быть может, осветить ее лучом, идущим издалека -- из "Божественной Комедии" флорентийского "рифмача", как себя называл Данте, в отличие от "поэтов", писавших по-латыни и без рифм.

Поговорим сперва о Данте.

О нем столько написано -- на всех языках -- исследований, комментариев, монографий, что новым исследователям, казалось бы, остается только разработка деталей. К общей же оценке поэта ничего, кажется, не прибавишь и ничего в ней не изменишь. Но уже в такое мы живем своевольное, бунтарское время, до того нас обуял острый дух индивидуализма, что традиции и приговоры прошлого нас не удовлетворяют. Мы вынуждены -- хотим или не хотим -- все пересмотреть по-своему, заново перечувствовать, пересудить, словом, переоценивать все ценности. И тот же великий бунтарь Ницше, который завещал нам эту новую заповедь переоценки ценностей, дал нам в то же время и мерило для такой переоценки, именно идею сверхчеловека, абсолютной личности. Эта заповедь велит нам всякий раз, когда мы приступаем к оценке какого-либо вечного произведения искусства, философии или религии, ставить вопрос: при чем тут личность? Т. е. какую роль сыграло это произведение в борьбе, которую личность, со времени Прометея, ведет за свое освобождение от двух пожирающих ее коршунов -- власти земной и небесной. И, ставя этот вопрос, мы часто бросаем на произведение новый свет и заново его переоцениваем. <...>

Из двух поэм Данте -- "Комедии" (уже после его смерти названной "Божественной") и "Новой Жизни" принято считать наиболее важной трилогию "Комедии", а в самой трилогии первую часть, изображающую ад. "Новая Жизнь", долгое время находившаяся в забвении, признается второстепенным юношеским трудом Данте, чем-то вроде небольшого палаццо, выстроенного рядом с огромным готическим собором. Но, посетив собор и палаццо, современный читатель вынесет впечатление, не совсем тождественное с тем, какое испытывали поклонники дантовской поэзии в течение шести веков.

Что такое "Комедия" по намерению автора и объяснению комментаторов? Данте в одном из своих писем объясняет, что "Комедия" -- произведение нравоучительное, "доктринальное", цель которого -- отпугивать людей от зла и привлекать их к добру. Итальянские критики ценят в "Комедии" прежде всего первый чистейший источник их языка, -- ибо Данте сам был главным творцом того *dolce styl nuovo*¹, на котором написана поэма и который он подслушал у женщин простонародья, как наш Пушкин -- у своей няни. Сверх того, они ценят в "Комедии" энциклопедию ранней итальянской культуры -- географии, астрономии, философии, теологии. Они почитают Данте как первого историка Италии (Вико), как великого гражданина, пламенного патриота, предвозвестника итальянского единства. Во Франции "Комедия" долго была неизвестна. Ни Монтень, ни Буало, ни Вольтер о ней не упоминают. Новые исследователи, французские и немецкие, всего больше ценят в "Комедии" ее поэтические достоинства, могущество воображения, точность языка, чеканность образов, близость к природе.

Очень возможно, что все эти оценки верны и что "Комедию" следует считать и нравоучительным рассказом, и энциклопедией знаний, и гражданским подвигом, и поэтическим вымыслом. Но всеми этими достоинствами "Комедия" едва ли могла бы увлечь и зажечь нас так, как она увлекала и зажигала современников Данте. Как поучительный рассказ, "Комедия" не тронула бы нас не только потому, что мы больше не боимся ада, но, главным образом, потому, что вдохновлявший Данте пафос возмездия и мести нам чужд и зрелище пыток невыносимо. Мы с восторгом прочли бы несколько песен, как раз те, в